

мыхъ законовъ. Въ своемъ развитіи на западѣ пантеизмъ сроднился, сросся съ такъ называемымъ дарвинизмомъ и эволюціонизмомъ; то-же у Толстого. Никакой Божественной, живой разумной, личной силѣ въ его міровоззрѣніи не можетъ быть мѣста. Потому и не можетъ быть, по его учению, никакого общенія между человѣкомъ и Богомъ, что создающей Божественной личности не существуетъ. Отсюда и утвержденіе, будто Толстой былъ религіозенъ, молился и навелъ на себя недовольство Церкви за то только, что обличалъ духовенство, и отрицалъ нѣкоторые обряды, является лишь плодомъ незнанія или неискренности.

Подъ религіей Толстой разумѣлъ наше отношеніе къ человѣчеству и природѣ, а подъ молитвой—напоминаніе себѣ своихъ нравственныхъ принциповъ. Пантеизмъ есть такое же безбожіе, какъ, и матеріализмъ. Условная разница между матеріализмомъ и пантеизмомъ заключается только въ томъ, на что обращается вниманіе изслѣдователя въ вопросѣ о происхожденіи міра: на пассивную или активную сторону его, на матерію-ли, которая подвергается эволюціи, или на тѣ силы или законы, которые совершаютъ эту эволюцію природы, а затѣмъ и человѣческаго общества. Законы эти обобщаются философами въ одинъ общій законъ, который и считается божествомъ, всецѣло исчерпывающимся въ жизни космоса или міровыхъ планетъ и кометъ; божество это вмѣстѣ съ матеріей и всѣми живыми существами подвержено необходимости своего поступательнаго развитія или эволюціи.

Въ такомъ міровоззрѣніи, конечно, не можетъ быть мѣста для свободы воли, ни для нравственной отвѣтственности человѣка. Всѣ его дѣйствія опредѣляются съ необходимостью тѣми законами, какимъ подчинены всѣ вещи въ мірѣ. Самыя благородныя движенія человѣческаго сердца суть такія-же равнодѣйствующія разныхъ условій, какъ стремленіе самоотверженной насѣдки на защиту своихъ дѣтенышей. Дѣйствія свободной воли, суть ничто иное, какъ ходъ хорошо устроеннаго локомотива. Понятно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какой либо одушевленной проповѣди добрѣтели и внутренней борьбы. Правда, можно, напр., предостерегать человѣка стоящаго на краю пропасти о грозящей ему опасности, но это не увѣщаніе, а сообщеніе факта.